

— Ты почему такой ветреный? — недовольно бросил Сы Сяонань.

Чжоу Жун от слова «ветреный» едва не поперхнулся; выражение его лица было таким, будто он разом проглотил четыре каменных яйца. Помолчав, он обиженно выдал:

— Товарищ Сяо Сы, прошу, будь же ты благоразумен! Одиннадцать лет прошло! Я даже не помню, как этот человек выглядел!

Сы Сяонань: «...»

— К тому же мы встречались всего пару дней, там и вспоминать нечего. Она еще и обманула мои чувства, бросила меня — это же позорное прошлое, давай просто позволим этим воспоминаниям превратиться в пепел и развеяться по ветру...

Сы Сяонань: «...»

Глаза Сы Сяонаня зловеще прищурились:

— Развеяться... по... ветру.

С позиции Чжоу Жуна было видно, как у Сы Сяонаня приподнялись уголки глаз, став острыми и холодными, словно лезвие ножа. Чжоу Жун тут же вздрогнул.

— Ты клянешься, что они правда развеялись по ветру? — спросил Сы Сяонань.

Чжоу Жун торжественно произнес:

— Клянусь именем своих родителей...

— Твои отец и мать еще живы?

— ... — Чжоу Жун беспомощно вздохнул:

— Я вырос в детском доме на государственном обеспечении. Клянусь именем директора, пойдет?

Сы Сяонань скрипнул зубами:

— Клянись именем народного правительства, тогда поверю.

Чжоу Жун, делать нечего, поднял правую руку:

— Клянусь именем народного правительства, я действительно уже...

Он мучительно зажмурился. После десяти секунд полной тишины он скорбно признался:

— Не могу. Скажу честно: иногда мысли проскакивают... Просто мысли! В конце концов, это был тяжелый опыт!

Сы Сяонань остался доволен, с недовольным видом откинулся обратно на подушки и нахмурился, погрузившись в какие-то думы.

Чжоу Жун, видя, что тот молчит, решил, что наконец-то миновал это суровое испытание, через которое, кажется, обязан пройти каждый мужчина, и украдкой выдохнул. Однако выдохнуть-то

выдохнул, а вдохнуть обратно уже не успел. Сы Сяонань, будто внезапно придя к какому-то выводу, задумчиво произнес:

— Значит ли это, что теперь ты сидишь на двух стульях?

Чжоу Жун на мгновение оцепенел, в душе у него словно пронеслась стая диких лошадей.

— А! — внезапно воскликнул он, глядя куда-то вперед. — Там зомби!

Сы Сяонань: «...»

— Схожу разберусь с зомби, скоро буду! — Чжоу Жун пулей вылетел из комнаты, едва не кувyrкаясь на ходу.

.

Разумеется, никаких зомби не было. В глухих горах и так никого нет, а сейчас разгар зимы, лютые морозы — в таких широтах даже зомби, чьи внутренние жидкости превратились в лед, с трудом могут передвигаться.

Чжоу Жун присел у печи, готовя нехитрую еду. От тепла оконное стекло затянуло туманом. Он машинально протер его и посмотрел наружу: неясно когда начался снегопад. Хлопья падали, огромные, как гусиный пух, вдали в долине слабо мерцала река, мир вокруг застыл в безмятежной тишине.

«Сижу ли я на двух стульях?» — невольно задался вопросом Чжоу Жун.

Он попытался вспомнить лицо того маленького Омеги из своей первой любви, но за одиннадцать лет образ окончательно затерялся в метели воспоминаний. За эти годы он успел закончить военное училище, побывать за границей в миротворческих силах, попасть в центральный отряд, пережить неудачи, перевод в 118-й отряд, столкнуться с огнем сражений и горечью расставаний. Его память походила на каменную плиту, изрезанную глубокими шрамами времени.

Хотя воспоминания о юности в восемнадцать лет сохранились, теперь, стоило их коснуться, в голове возникал не конкретный человек, а лишь ощущение долгого, уходящего в небытие и неизбежного времени.

Если подумать, Сы Сяонань в чем-то даже похож на того юного Омегу, что когда-то разбил ему сердце, — размышлял Чжоу Жун, скрестив руки на груди и рассеянно глядя на серебристый пейзаж за окном кухни.

Умный, слегка хитрый, волевой, умеющий хранить секреты и обладающий поразительным упорством в достижении цели — не остановится, пока не добьется своего. Впрочем, возможно, это общие черты всех выдающихся Омег. Если присмотреться, то и черты лица у них в чем-то неуловимо схожи.

Чжоу Жун покачал головой, посмеиваясь над собой: как такое вообще возможно? Он погасил огонь в печи, аккуратно наполнил старую резиновую грелку, найденную в кладовке, и, ступая на цыпочках, поднялся в спальню.

Сы Сяонань, плотно сжавшись в комок, сидел в изголовье кровати, уткнувшись лицом в колени. Услышав шаги, он по инерции дернулся назад, еще сильнее вжимаясь в себя.

Воздух был пропитан густым, сладким ароматом. В тот момент, когда Чжоу Жун переступил порог, этот запах волной хлынул в ноздри, горло и, кажется, просочился в самую кровь через каждую пору тела.

Этот зов самой физиологии был настолько прямым и агрессивным, что стал тяжелым испытанием для нервов. Руки Чжоу Жуна, засовывавшего грелку под одеяло, дрожали. Чтобы сдержаться, ему пришлось приложить такие усилия, что на руках, скрытых под рукавами, вздулись вены.

— ... — тихо прошершавил Сы Сяонань.

Кадык Чжоу Жуна судорожно дернулся. Он слегка склонился к самому уху юноши и хрипло спросил:

— Что ты сказал?

Сы Сяонань тяжело дышал:

— Уходи...

Уголки глаз Сы Сяонаня покраснели, они были влажными. Хотя снаружи бушевала метель, на кончике его носа выступили капельки пота. Губы, покрасневшие, словно от жара, слегка подрагивали при каждом слове.

Чжоу Жун не мог выносить это зрелище. Закрыв глаза, он проговорил:

— Я приду... попозже.

Он до боли прикусил кончик языка, чтобы последние крупницы самообладания не оставили его. Он уже развернулся, чтобы уйти, но вдруг почувствовал, как кто-то зацепил его за рукав.

Сы Сяонань из своего скорченного положения вытянул два пальца и уцепился за край ткани.

— ... — Чжоу Жун развернулся и перехватил его запястье. — Что такое?

Запястье у Сы Сяонаня было крепким — результат многолетних тренировок, неизбежно меняющих структуру костей. Пальцы были длинными и изящными — на первый взгляд могло показаться, что у него руки музыканта, но на самом деле он не умел играть на музыкальных инструментах. Его подушечки были огрубевшими от постоянного контакта с рукоятью ножа, а на указательном пальце и в ложбине между большим и указательным виднелись мозоли от работы с оружием.

На обеих руках, причем на левой, из-за более интенсивных тренировок, они были еще заметнее.

Шрамы и старые отметины на этих руках хранили историю более чем двадцати лет невообразимых испытаний и стойкости. Он был совсем не похож на всех тех Омег, что когда-либо встречались Чжоу Жуну.

— Уходи... — прошипел Сы Сяонань, но пальцы, вцепившиеся в рукав, только сильнее побелели от напряжения.

— Правда уйти? — негромко спросил Чжоу Жун, делая вид, что пытается высвободить рукав. — Ты действительно хочешь, чтобы я ушел?

Сы Сяонань в тумане сознания изо всех сил пытался удержать эту ткань, но тщетно — всё тело его размякло, как желе, и руку постепенно разжали.

— ... — глаза Сы Сяонаня мгновенно покраснели еще сильнее, и крупные слезы, полные горькой обиды, вот-вот готовы были сорваться вниз.

Чжоу Жун улыбнулся и прошептал ему на ухо:

— Так уходить мне или нет?

Сы Сяонань не разбирал слов — в ушах стоял гул, и единственным четким звуком в мире стало собственное сердце, грохочущее в груди.

Он не видел лица Чжоу Жун и не осознавал, что держит его за руку. Все его чувства превратились в горячую вязкую субстанцию: любое прикосновение к телу вызывало болезненную дрожь и спазмы, превращая мысли в хаос.

Он знал только одно: рядом с кроватью присутствует некая мощная и надежная аура, которая сулит безопасность, и ему отчаянно хотелось прижаться к ней. Но стоило приблизиться, как в этом тепле начинали чувствоваться скрытая свирепость и собственнический инстинкт — точно хищник, притаившийся в темноте, готовый в любую секунду выпустить когти и утянуть его в еще более глубокую и неуправляемую бездну.

«Нельзя...» — смутно подумал Сы Сяонань.

Он тонул в горячем море, как бы ни старался, не мог прояснить сознание. В забытьи он поднял вторую, безвольную руку к губам.

Он хотел сильно укусить себя за тыльную сторону ладони, чтобы хоть как-то зацепиться за привычную боль. Но в следующую секунду его схватили, оба запястья прижали к изголовью кровати — не оставив даже шанса на сопротивление.

— ...Чжоу... — машинально прошептал он, в голосе проскользнул страх. — Чжоу... Жун...

Чжоу Жун прижал его к постели, нависая сверху, и уперся коленом между его бедер.

— Чжоу Жун... — Сы Сяонань не выдержал и позвал снова, его зрачки расширились и расфокусировались.

Дрожащие, полные мольбы нотки в конце фразы стали последней каплей. Словно пламя добралось до самого конца бикфордова шнура — Чжоу Жун вспыхнул, охваченный пожаром.

<http://bllate.org/book/18107/1738963>